

В душе Дань Чао смутно возникло очень нелепое предположение, но на лице он ничего не выдал:

— По какому делу девица?

Яркие глаза Цзиньсинь, не мигая, смотрели на него, словно пытаясь через глазницы проникнуть вглубь его сознания, в самое сердце, затем она медленно протянула руку и положила её на твёрдое мускулистое плечо Дань Чао.

— В нынешнем Чанъани на пике популярности — роскошь и расточительность, мужчины также уделяют большое внимание украшениям, редко можно увидеть такие мощные и твёрдые плечи.

— Разве господин не понимает? — Цзиньсинь, склонившись к его уху, рассмеялась. — Командующий велел мне прислуживать вам... естественно, делайте всё, что захотите.

Она почувствовала, как мускулы Дань Чао под её рукой слегка напряглись.

— Конечно, если господин не нравлюсь я, можно заменить другой, — мягко улыбнулась Цзиньсинь. — В усадьбе много прекрасных служанок, только мне будет немного... грустно.

Лунный свет смешивался с темнотой, выражение лица Дань Чао в переливах света и тени было неразличимо, лишь грудь вздымалась некоторое время, прежде чем он холодно произнёс:

— Ваш командующий часто таким способом принимает гостей?!

Цзиньсинь слегка опешила, затем рассмеялась:

— Командующий следует своим желаниям, может принимать гостей как пожелает. Только, наставник, Чанъань — место, где бумага пьянит, золото ослепляет, а красавицы скрывают соблазны. Раз уж вы сюда прибыли, почему бы не последовать местным обычаям?

Дань Чао откинулся назад, Цзиньсинь склонилась почти вплотную к нему, нежные пальцы скользнули с его плеча на грудь:

— Наставника в будущем ждёт ещё много искушений: власть и положение, вино, красавицы, богатство, страсти, проносящиеся мимо облака прелестниц, разнообразные звуки и краски, от которых голова пойдёт кругом... Если уже сейчас не можете вынести, что же будет, когда глаза ослепнут?

Её алые губы медленно приближались, но в этот момент Дань Чао внезапно поднял руку, преградив путь её обнимающей яшмовой руке, затем встал, набросил одежду и большими шагами направился к двери.

Цзиньсинь слегка удивилась, нахмутив брови:

— Наставник?

Дань Чао положил руку на косяк двери, его силуэт в тени был тяжёл, словно поглотил весь лунный свет, не оставив ни единого проблеска.

— Девица, я всего лишь мимолётный путник в Чанъани, сколь бы велики ни были власть, положение, звуки и краски — всего лишь мимолётные облака. Благодарю за ошибочную любовь — прощу, удалитесь.

Он открыл дверь и, не оглядываясь, вышел под ошеломлённым взглядом Цзиньсинь.

Ночью внутренний двор дома Се повсюду был залит чистым сиянием. Дань Чао большими шагами прошёл по длинной галерее, прямо к двери кабинета, с резким скрипом распахнув её!

Внутри ярко горели лампы, Се Юнь, прислонившись к столу, просматривал документы. За прозрачной занавеской у окна смутно виднелся изящный силуэт певицы, игравшей на конхоу, и мелодия сразу же прервалась от звука открывающейся двери.

Се Юнь приподнял веко:

— В чём дело?

Дань Чао бросил взгляд на изящный силуэт за лёгкой занавеской:

— Уйдите.

Его голос на самом деле был негромким, но певица сильно испугалась, дрожа, поднялась, приподняла ледяную газовую ткань, робко взглянула на внезапно ворвавшегося мужчину, затем на Се Юня, не выражавшего намерения вмешиваться, поспешно сделала книксен и на цыпочках удалилась.

Дань Чао ждал, пока певица полностью не скрылась в коридоре, затем с грохотом захлопнул дверь. Обернувшись, он увидел, что Се Юнь уже отложил кисть, поднялся из-за стола и рассматривал его. Во взгляде не было ни намёка на двусмысленность или вину, напротив, сквозила ясная, леденящая, устрашающая оценка.

— Ты...

Слово Дань Чао только начало слетать с языка, как Се Юнь спокойно поднял палец, прерывая:

— Что ты здесь делаешь, почему не укатился обратно?

По мнению Дань Чао, когда такая грязная история раскрыта, зачинщик должен был хотя бы испытывать стыд, по крайней мере, некоторую робость.

Однако, к его удивлению, Се Юнь не испытывал ничего подобного, даже его отношение было весьма агрессивным, словно это дело было само собой разумеющимся, даже необходимой к выполнению задачей.

— Девушка Цзиньсинь слишком любезна, я действительно не в силах принять, — Дань Чао после краткого изумления успокоился, прямо глядя на Се Юня. — Прошу, командующий Се, заберите её обратно.

На лице Се Юня не дрогнул ни мускул:

— Цзиньсинь хоть и старше на несколько лет, но редкая надёжность. Если действительно не нравится, просто замените другой. Выйди, Цзиньсинь устроит для тебя.

— Не нужно устраивать.

— Выйди.

— Не нужно устраивать!

Они смотрели друг на друга, атмосфера накалилась, лишь пламя свечи слегка потрескивало.

Дань Чао, усиливая интонацию, произнёс слово за словом:

— Я сказал, не нужно устраивать.

Се Юнь слегка откинул верхнюю часть туловища, смерил Дань Чао взглядом с ног до головы, затем внезапно спросил:

— Потому что ты отшельник?

Дань Чао опешил.

У него, монаха, вставшего на этот путь в середине жизни, не было особого осознанного стремления к буддизму, но даже без внутренних ограничений монашеских обетов он почему-то испытывал отвращение к близкому контакту с такой соблазнительной женской плотью — не то чтобы он считал Цзиньсинь нечистой, такой мысли у него не было. Просто чувствовал... сопротивление.

Что, считают меня жеребцом? Достиг возраста — подвели кобылу для случки?

Дань Чао холодно выдохнул, не желая говорить прямо, лишь ответил:

— Да.

Се Юнь спросил:

— Тогда почему, когда пьёшь вино, ведёшь себя так естественно?

Дань Чао...

Се Юнь, приподняв бровь, смотрел на него, покачивая указательным пальцем.

У людей, с детства тренировавшихся с мечом, пальцы обычно очень длинные, у Се Юня руки особенно изящной формы, поэтому такое простое движение выглядело особенно насмешливым.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя в затруднении, — медленно произнёс он.

— Если бы тебе просто не нравилась Цзиньсинь, ещё куда ни шло, у каждого свои предпочтения насчёт полноты и стройности. Но если ты никого не хочешь — это уже странно. У Ма Синя и других в частном порядке есть любовницы, а ты пробыл в моей усадьбе больше полумесяца и даже не взглянул на служанок...

Это заставляет меня думать, нет ли у тебя особых пристрастий. — Се Юнь сделал паузу. — Если так, то это действительно будет проблематично.

Почему-то сердце Дань Чао внезапно сжалось, словно невидимые когти резко впились в горло.

Он даже не успел осознать, что именно имел в виду Се Юнь, или, вернее, он сразу понял, насколько ужасным был намёк за этими словами, и сразу отказался это понимать.

Горло Дань Чао сглотнуло, спустя мгновение он заговорил, и голос его был невиданно жёстким:

— Нет, это не так... просто не заставляй меня делать то, чего я не хочу.

При свете лампы выражение лица Се Юня вдруг изменилось.

Хотя времена изменились, обстановка была совершенно иной, но в тот момент одинаковый человек и одинаковый ответ, а также ни на йоту не изменившаяся интонация внезапно создали у него иллюзию обратного течения времени.

Что он сказал тогда?

...Даже если власть и государство превратятся в прах, это дело уже касается жизни и смерти; стоит тебе лишь захотеть сделать, даже не нужно действовать самому, тысячи людей бросятся вперед, становясь ступеньками на твоём пути...

А тот юноша прямо стоял в вихре ветра и песка, глядя на него, каждый звук его голоса был хриплым, жёстким, врезающимся в кости, даже спустя долгое время часто звучал в его далёких снах глубокой ночью: «В этом деле нет никакой возможности для манёвра... Учитель, не заставляй меня делать то, чего я не хочу!..»

Се Юнь внезапно почувствовал сильнейшую иронию, ему даже захотелось громко рассмеяться — но годами выкованное умение сдерживаться заставило тот смех бесшумно исчезнуть, не дойдя до горла.

Его взгляд, устремлённый на Дань Чао, был глубоким и холодным, спустя мгновение он вдруг с шумом захлопнул лежащий перед ним документ.

Дань Чао увидел, как он поднялся, обошёл стол, большими шагами направился к двери и, проходя мимо, даже не бросил взгляда краем глаза, затем распахнул дверь и скомандовал:

— Люди, приготовить экипаж!

Снаружи сразу же раздались шаги, недалеко стоявший ночной слуга с фонарём поспешил вперед, подтверждая приказ. Хотя его лицо выражало изумление и сомнение, он не смел медлить, сразу же побежал ко вторым воротам.

— Раз ты говоришь, что у тебя нет никаких особых пристрастий? — обернулся Се Юнь.

Дань Чао настороженно стоял на месте.

Та искра насмешки в глубине глаз Се Юня наконец всплыла на поверхность:

— ...Тогда докажи мне.

Полчаса спустя.

Квартал Чанпин, Терем Чэньсинь.

На улице Чанпин было множество увеселительных заведений и злачных мест, ярко горели огни, лилось вино, звучали струны, даже ночной ветер нес аромат румян и белил. Дань Чао с рождения не видел такого роскошного и расточительного ночного пейзажа — хотя ночной пир во дворце уже можно было назвать редким зрелищем в мире, квартал Чанпин был ещё более разнuzданным.

Со всех сторон повсюду были богатые экипажи, запахи духов, ослепляющая роскошь, казалось,

стоит лишь на мгновение потерять бдительность, как утонешь заживо в этой нежной ловушке с пением и танцами.

Се Юнь со звоном поставил винный бокал.

<http://bllate.org/book/15578/1387235>